

СОГЛАСОВАНО

Директор МБУДО «ДШИ №6»

_____ Н.В. Богушева

« _____ » _____ 2026

УТВЕРЖДАЮ

Начальник управления культуры
администрации города Владимира

_____ Е.А. Ермакова

« _____ » _____ 2026

ПОЛОЖЕНИЕ

о III городском конкурсе поэтической декламации «Слово живое»

1. Общие положения:

Городской конкурс поэтической декламации (в дальнейшем – Конкурс) – соревновательное мероприятие по чтению вслух (декламации) поэтических произведений.

1.1. Учредитель Конкурса:

Управление культуры администрации города Владимира.

1.2. Организатор Конкурса:

Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Детская школа искусств № 6 им. В.А. Солоухина» города Владимира.

1.3. Место проведения:

МБУДО «ДШИ №6» (г. Владимир, ул. Соколова - Соколёнка, д. 6 «Г»).

1.4. Сроки проведения:

с 14 сентября по 26 ноября 2026 г.

1.5. Цели Конкурса:

Конкурс проводится в целях пропаганды произведений Владимира Алексеевича Солоухина, популяризации русской поэзии в целом, а также воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма.

1.6. Задачи Конкурса:

- популяризация искусства художественного чтения;
- расширение читательского кругозора;
- формирование навыков выразительного чтения и артистических умений;
- воспитание осмысленного отношения к восприятию поэтического текста;
- развитие творческих способностей;
- развитие стрессоустойчивости и навыка публичных выступлений;
- создание дополнительных условий для эстетического воспитания учащихся.

2. Условия проведения Конкурса:

2.1. Участниками Конкурса могут являться учащиеся ДШИ, ДМШ, ДХШ и ДШХ г. Владимира.

Один участник Конкурса вправе выбрать для декламации одно произведение из предложенных в предоставленном списке (Приложение №2).

2.2. Для участников Конкурса предусмотрены 3 возрастные группы:

- младшая (6-9 полных лет);
- средняя (10-13 полных лет);
- старшая (14-17 полных лет).

Возраст участника учитывается на момент отправки видеозаписи на конкурс.

3. Порядок проведения Конкурса:

3.1. Конкурс проводится заочно на основе присылаемых участниками видеоматериалов. Видеоматериал должен представлять собой один видеоролик, снятый одним кадром, без монтажа и остановки. В кадре должен находиться только читающий. Перед началом декламации произведения необходимо внятно и громко представиться, объявить автора и название произведения. Чтение наизусть не требуется, допускается чтение по книге.

3.2. Заявки на участие в Конкурсе (Приложение №1) принимаются на электронную почту vladimir.shkola6@yandex.ru до **5 октября 2026 года включительно**.

3.3. Видеоматериалы принимаются на электронную почту vladimir.shkola6@yandex.ru до **19 октября 2026 года включительно**. Работы, отправленные позже указанного срока, не рассматриваются.

Отправленный видеоматериал обязательно должен быть подписан: фамилия, имя, отчество участника, название стихотворения, фамилия автора. Если размер видеоролика не позволяет отправить его электронной почтой, необходимо воспользоваться сторонними ресурсами (файлообменниками) и предоставить ссылку на размещённый там видеоролик.

3.4. Участие в Конкурсе бесплатное.

По возникающим вопросам обращаться по тел.:

Директор ДШИ №6 Богушева Наталья Вячеславовна: 8(4922) 31-53-53 (факс)
Заместитель директора по учебно-воспитательной работе Анненкова Юлия Алексеевна: 8(4922) 31-53-53 (факс)
Электронная почта ДШИ №6: vladimir.shkola6@yandex.ru

4. Жюри Конкурса:

4.1. Состав жюри утверждается учредителем Конкурса по представлению организатора. В состав жюри входят представители управления культуры администрации города Владимира и ДШИ №6 им. В.А. Солоухина.

4.2. При оценке конкурсантов жюри придерживается критериев, определённых организаторами Конкурса:

- дикция, чёткость и правильность произношения, позволяющая слушателям беспрепятственно воспринимать незнакомый текст;
- правильный выбор темпа и громкости прочтения произведения;
- осмысленность фразировки, выделяющей в ткани поэтического текста смысловые построения;
- интонационная выразительность, учитывающая паузы, логические ударения, ключевые слова, артистизм;
- умеренность жестикологии и эмоциональной насыщенности.

4.3. Заседание жюри проводится в дистанционном формате. Жюри определяет победителей и призёров Конкурса.

4.4. Жюри может присуждать не все призовые места или делить их между конкурсантами.

4.5. Решение жюри окончательное и пересмотру не подлежит.

4.6. В своей деятельности жюри Конкурса руководствуется настоящим Положением.

5. Награждение:

5.1. Участникам Конкурса присуждаются следующие звания и соответствующие им дипломы:

- Гран-при присуждается участнику Конкурса, проявившему себя наиболее ярко по всем критериям;
- участникам Конкурса, занявшим 1, 2, 3 места присуждается звание «Лауреат» с вручением диплома соответствующей степени;
- участникам, занявшим 4-е место, присуждается звание «Дипломант» с вручением диплома;
- участникам, не получившим звание лауреата или дипломанта, вручаются дипломы участников Конкурса.

5.2. Подведение итогов и торжественное награждение победителей Конкурса состоится **26 ноября 2026 года (18:00)** в актовом зале ДШИ №6 им. В.А. Солоухина. Приглашаются победители и участники Конкурса.

5.3. Итоги Конкурса будут опубликованы на официальных сайтах управления культуры администрации города Владимира, ДШИ №6 им. В.А. Солоухина и в школьной группе ВКонтакте.

ЗАЯВКА
на участие в городском конкурсе поэтической декламации
«Слово живое»

Школа, класс, отделение (музыкальное, художественное, хореографическое, подготовительное)	
Ф.И.О. участника (полностью)	
Возраст участника	
Имя автора и название стихотворения	
Контактные данные (телефон с указанием контактного лица)	
Дата подачи заявки (число, месяц, год)	

ЗАЯВЛЕНИЕ
на согласие родителя\законного представителя на обработку
персональных данных несовершеннолетнего

Я, _____
(ФИО)

являющийся законным представителем несовершеннолетнего

_____, даю своё согласие на
(ФИО несовершеннолетнего)

сбор, хранение и обработку его/её персональных данных (анкетные и биографические данные, сведения об образовании и специальности, номер домашнего или мобильного телефонов).

(число)

(подпись)

Список
стихотворений для участия в III городском конкурсе поэтической декламации
«Слово живое»

Автор: В.А. Солоухин

«Букет»

Я их как собирал?
Колокольчик чтоб был к колокольчику,
Василек к васильку
И ромашка к ромашке была.
Мне казалось, что будет красивей букет,
Если только одни васильки,
Или только одни колокольчики,
Или только ромашки одни
Соберутся головка к головке.
Можно стебли подрезать и в воду поставить в стакан.

Постепенно я понял,
Что разных цветов сочетанье
(Ярко-желтого с белым,
Василькового с белым и желтым,
Голубого с лиловым,
Лилового с чуть розоватым)
Может сделаться праздником летних полуденных красок,
Может сделаться радостью. Надо немного условий:
Просто капельку вкуса
Или, может быть, капельку зренья —
И букет обеспечен. Хватает в июне цветов!
Так я их собирал. Но
(Во всем виновата незрелость)
Я наивно считал,
Что простые, невзрачные травы
(Это кажется нам, будто травы бывают невзрачны)
Недостойны приблизиться
К чистым, отборным и ясным,
Собираемым мною в букет, удостоенным чести цветам.
Обходил я пырей,
Обходил я глухую крапиву,
«Лисий хвост» обходил, и овсюг, и осот полевой,
И пушицу,
И колючий,
Полыхающий пламенем ярым,
Безобразный, бездарный татарник.
Им, конечно, хотелось. А я говорил с укоризной:
«Ну, куда вы?»

Вот ты, щавеля лопухого стебель,
Полюбуйсь на себя, ну куда ты годишься?
Разве сор подметать?
Ну, допустим, тебя я сорву...»
И затем,
Чтоб совсем уж растение это унижить,
Я сорвал
И приставил метельчатый стебель к букету,
Чтобы вместе со мной все цветы на лугу посмеялись
Сочетанью ужасному розовой «раковой шейки»
И нелепой метелки.
Но...
Не смеялся никто.
Даже больше того (что цветы!), я и сам не смеялся.
Я увидел, как ожил, как вдруг засветился букет,
Как ему не хватало
Некрасивого, в сущности, длинного, грубого стебля.
Я крапиву сорвал,
Я приставил к букету крапиву!
И — о чудо! — зеленая, мощная сочность крапивы
Озарила цветы.
А ее грубоватая сила
Оттенила всю нежность соседки ее незабудки,
Показала всю слабость малиновой тихой гвоздички,
Подчеркнула всю тонкость, всю розовость «раковой шейки».
Стебли ржи я срывал, чтоб торчали они из букета!
И татарник срывал, чтоб симметрию вовсе разрушить!
И былинник срывал, чтобы мощи косматой добавить!
И поставил в кувшин,
И водой окатил из колодца,
Чтобы влага дрожала, как после дождя проливного,
Так впервые я создал
Настоящий,
Правдивый букет.

«Бывает так: в неяркий день грибной...»

Бывает так: в неяркий день грибной
Зайдешь в лесные дебри ненароком -
И встанет лес иглистою стеной
И загородит нужную дорогу.

Я не привык сторонкой обходить
Ни гордых круч, ни злого буерака.
Коль начал жить, так прямо надо жить,
Коль в лес пошел, так не пугайся мрака.

Все мхи да топь, куда ни поверни;
Где дом родной, как следует не знаю.

И вот идешь, переступая пни
Да ельник грудью прямо разрывая.

Потом раздвинешь ветви, и в лицо
Ударит солнце, теплое, земное.
Поляна пахнет медом и пылью,
Вода в ручье сосновой пахнет хвоей.

Я тем, что долго путал, не кичусь,
Не рад, что ноги выпачканы глиной.
Но вышел я из путаницы чувств
К тебе!..
В цвету любви моей долина!

«В лесу»

В лесу, посреди поляны,
Развесист, коряжист, груб,
Слывший за великана
Тихо старился дуб.

Небо собой закрыл он
Над молодой березкой.
Словно в темнице, сыро
Было под кроной жесткой.

Душной грозовой ночью
Ударил в притихший лес,
Как сталь топора отточен,
Молнии синий блеск.

Короткий, сухой и меткий,
Был он как точный выстрел.
И почернели ветки,
И полетели листья.

Дуб встрепенулся поздно,
Охнул, упал и замер.
Утром плакали сосны
Солнечными слезами.

Только березка тонкая
Стряхнула росинки с веток,
Расхохоталась звонко
И потянулась к свету.

«Аргумент»

О том, что мы сюда не прилетели
С какой-нибудь таинственной звезды,
Нам доказать доподлинно успели
Ученых книг тяжелые пуды.

Вопросы ставить, право, мало толку -
На все готов осмысленный ответ.
Все учтено, разложено по полкам,
И не учтен лишь главный аргумент.

Откуда в сердце сладкая тревога
При виде звезд, рассыпанных в ночи?
Куда нас манит звездная дорога
И что внушают звездные лучи?

Какая власть настойчиво течет к нам?
Какую тайну знают огоньки?
Зачем тоска, что вовсе безотчетна,
И какова природа той тоски?

«Безмолвна неба синева...»
Безмолвна неба синева,
Деревья в мареве уснули.
Сгорела вешняя трава
В высоком пламени июля.

Еще совсем недавно тут
Туман клубился на рассвете,
Но высох весь глубокий пруд,
По дну пруда гуляет ветер.

В степи поодаль есть родник,
Течет в траве он струйкой ясной,
Весь зной степной к нему приник
И пьет, и пьет, но все напрасно:

Ключа студеная вода
Бежит, как и весной бежала.
Неужто он сильнее пруда:
Пруд был велик, а этот жалок?

Но подожди судить. Кто знает?
Он только с виду мал и тих.
Те воды, что его питают,
Ты видел их? Ты мерил их?

«Берёза»

В лесу еловом все неброско,
Приглушены его тона.
И вдруг белым-бела березка
В угрюмом ельнике одна.

Известно, смерть на людях проще.
Видал и сам я час назад,
Как начинался в дальней роще
Веселый, дружный листопад.

А здесь она роняет листья
Вдали от близких и подруг.
Как от огня, в чащобе мгlistой
Светло на сто шагов вокруг.

И непонятно темным елям,
Собравшимся еще тесней:
Что с ней? Ведь вместе зеленели
Совсем недавно. Что же с ней?

И вот задумчивы, серьезны,
Как бы потупив в землю взгляд,
Над угасающей березой
Они в молчании стоят.

«Вдоль берегов Болгарии прошли мы...»

Вдоль берегов Болгарии прошли мы...
Я все стоял на палубе, когда
Плыла, плыла и проплывала мимо
Ее холмов прибрежная гряда.

Волнистая - повыше и пониже,
Красивая - не надо ей прикрас.
Еще чуть-чуть - дома, людей увижу,
Еще чуть-чуть... И не хватает глаз!..

Гряда холмов туманится, синея,
Какие там за нею города?
Какие там селения за нею,
Которых я не видел никогда?

Так вот они, неведомые страны...
Но там живут, и это знаю я,
Мои друзья - Георгий и Лиляна,
Митко и Блага - верные друзья.

Да что друзья! Мне так отрадно верить,
Что я чужим совсем бы не был тут.
В любом селе, когда б сойти на берег,
И хлеб и соль и братом назовут.

Ах, капитан, торжественно и строго
Произнеси командные слова.

Привстанем здесь пред дальнею дорогой,
В чужой Босфор легко ли уплывать!

Корабль идет, и сердце заболело.
И чайки так крикливы надо мной,
Что будто не болгарские пределы,
А родина осталась за кормой.

Вдоль берегов Болгарии прошли мы,
Я все стоял на палубе, пока
Туманились, уже неразличимы,
Быть может, берег, может, облака...

«Куда не доходят древесные корни»

И пусть над землею крутая зима,
Там только прохлада и вечная тьма.
Им мало простору и много работы:
Дворцы сталактитов, подземные гроты...
И путь их неведомый скупко прорезан
И в солях вольфрама, и в рудах железа.
И вот иногда эти темные воды,
Тоскуя по солнцу, идут на свободу!
Веселая струйка, расколотый камень,
И пьют эту воду горстями, руками.
В барханных равнинах, почти что рыдая,
Губами, как к чуду, к воде припадают.
Она в пузырьки одевает траву,
Ее ключевой, родниковой зовут.
То жилою льдистою в грунте застынет,
То вспыхнет оазисом в древней пустыне.
Вода ключевая, зеленое лето,
Вселенская лирика!
Песня планеты!

«Воды»

У вод, забурливших в апреле и мае,
Четыре особых дороги я знаю.
Одни
Не успеют разлиться ручьями,
Как солнышко пьет их
Косыми лучами.
Им в небе носиться по белому свету,
И светлой росой качаться на ветках,
И ливнями литься, и сыпаться градом,
И вспыхивать пышными дугами радуг.
И если они проливаются к сроку,

В них радости вдоволь, и силы, и проку.
Лужайки и тракты, леса и поля,
Нигде ни пылинки - сверкает земля!
А часть воды земля сама
Берет в глухие закрома.
И под травую, где темно,
Те воды бродят, как вино.
Они - глухая кровь земли,
Они шумят в цветенье лип.
Их путь земной и прост и тих,
И мед от них, и хлеб от них,
И сосен строгие наряды,
И солнце в гроздьях винограда.

А третьи - не мед, и не лес, и не зерна:
Бурливые реки, лесные озера.
Они океанских прибоев удары,
Болотные кочки и шум Ниагары.
Пути их не робки, они величавы,
Днепровская ГЭС и Цимлянская слава.
Из медного крана тугая струя
И в сказочной дымке морские края.
По ним Магеллановы шли корабли.
Они - голубые дороги земли.
Итак:
Над землею проносятся тучи,
И дождь омывает вишневые сучья,
И шлет океан за лавиной лавину,
И хлеб колосится, и пенятся вина.
Живут караси по тенистым прудам,
Высокие токи несут провода.
И к звездам струятся полярные льды...

.....
Но есть и четвертая жизнь у воды.
Бывает, что воды уходят туда,
Где нету ни света, ни солнца, ни льда.
Где глина плотнее, а камни упорней,
Куда не доходят древесные корни.
И пусть над землею крутая зима,
Там только прохлада и вечная тьма.
Им мало простору и много работы:
Дворцы сталактитов, подземные гроты...
И путь их неведомый скупно прорезан
И в солях вольфрама, и в рудах железа.
И вот иногда эти темные воды,
Тоскуя по солнцу, идут на свободу!

Веселая струйка, расколотый камень,
И пьют эту воду горстями, руками.
В барханных равнинах, почти что рыдая,
Губами, как к чуду, к воде припадают.
Она в пузырьки одевает траву,
Ее ключевой, родниковой зовут.
То жилою льдистою в грунте застынет,
То вспыхнет оазисом в древней пустыне.
Вода ключевая, зеленое лето,
Вселенская лирика!
Песня планеты!

«Городская весна»

Растопит солнце грязный лед,
В асфальте мокрым отразится.
Асфальт - трава не прорастет,
Стиха в душе не зародится.

Свои у города права,
Он в их охране непреложен,
Весна бывает, где земля,
Весна бывает, где трава,
Весны у камня быть не может.

Я встал сегодня раньше всех,
Ушел из недр квартиры тесной.
Ручей. Должно быть, тает снег.
А где он тает - неизвестно.

В каком-нибудь дворе глухом,
Куда его зимой свозили
И где покрылся он потом
Коростой мусора и пыли.

И вот вдоль тротуара мчится
Ручей, его вода грязна,
Он - знак для жителей столицы,
Что где-то в эти дни весна.

Он сам ее еще не видел,
Он здесь рожден и здесь живет,
Он за углом, на площадь выйдя,
В трубу колодца упадет.

Но и минутной жизнью даже
Он прогремел, как трубный клич,
Напомнив мне о самом важном -
Что я земляк, а не москвич.

Меня проспекты вдаль уводят,
Как увела его труба.
Да, у меня с ручьем сегодня
Во многом сходная судьба.

По тем проспектам напрямиком
В мои поля рвануться мне бы.
Живу под низким потолком,
Рожденный жить под звездным небом.

Но и упав в трубу колодца,
Во мрак подземных кирпичей,
Не может быть, что не пробьется
На волю вольную ручей.

И, нужный травам, нужный людям,
Под вешним небом средь полей,
Он чище и светлее будет,
Не может быть, что не светлей!

Он станет частью полноводной
Реки, раздвинувшей кусты,
И не асфальт уже бесплодный -
Луга зальет водой холодной,
Где вскоре вырастут цветы.

А в переулок тот, где душно,
Где он родился и пропал,
Вдруг принесут торговки дружно
Весенний радостный товар.

Цветы! На них роса дрожала,
Они росли в лесах глухих.
И это нужно горожанам,
Конечно, больше, чем стихи!

«Гуси шли в неведомые страны»

Из-за леса, где в темно-зеленом
Ярко-красным вспыхнули осины,
Вышел в небо к югу заостренный,
Вожаком ведомый клин гусиный.

По низинам плавали туманы,
Серебрясь под солнцем невеселым,
Гуси шли в неведомые страны,
Пролетая северные села.

В их крови певучий и тревожный
Ветер странствий, вольного полета.
Впереди закатные болота,
Тишина ночлегов осторожных.

Или в час, как только рассвело,
Полнаперстка дробь под крыло.
И повиснут крылья, а пока
Легок взмах широкого крыла.

Гуси шли, и голос вожака
Долетел до нашего села.

А у нас на маленьком дворе,
Сельской птицы гордость и краса,
Тихо жил и к празднику жирел
Краснолобый медленный гусак.
По деревне шлялся и доволен
Был своею участью и волей.

Но теперь от крика вожака
В ожиревшем сердце гусака
Дрогнул ветер странствий и полета,
И гусак рванулся за ворота.
И, ломая крылья о дорогу,
Затрубил свободу и тревогу.

Но, роняя белое перо,
Неуклюже ноги волоча,
На задах, за низеньким двором
Он упал на кучу кирпича.

А на юге в небе светло-синем
Таял зов, на крыльях уносимый.

«Деревья»

У каждого дома
Вдоль нашей деревни
Раскинули ветви
Большие деревья.

Их деды сажали
Своими руками
Себе на утеху
И внукам на память.

Сажали, растили
В родимом краю.
Характеры дедов
По ним узнаю.

Вот этот путями
Несложными шел:
Воткнул под окном
Неотесанный кол,

И хочешь не хочешь,
Мила не мила,
Но вот под окном
Зашумела ветла.

На вешнем ветру
Разметалась ветла,
С нее ни оглобли
И ни помела.

Другой похитрее,
Он знал наперед:
От липы и лапти,
От липы и мед.

И пчелы летают
И мед собирают,
И дети добром
Старика поминают.

А третий дубов
Насадил по оврагу:
Дубовые бочки
Годятся под брагу.

Высокая елка -
Для тонкой слеги.
Кленовые гвозди -
Тачать сапоги.

Обрубок березы
На ложку к обеду...
Про все разумели
Премудрые деды.

Могучи деревья
В родимом краю,
Характеры дедов
По ним узнаю.

А мой по натуре
Не лирик ли был,
Что прочных дубов
Никогда не сажил?

Под каждым окошком,
У каждого тына
Рябины, рябины,
Рябины, рябины...

В дожди октября
И в дожди ноября
Наш сад полыхает,
Как в мае заря!

«Дирижер. Рапсодия Листа»

Я слушал музыку, следя за дирижером.
Вокруг него сидели музыканты — у каждого
особый инструмент
(Сто тысяч звуков, миллион оттенков!).
А он один, над ними возвышаясь,
Движеньем палочки, движением руки,
Движеньем головы, бровей, и губ, и тела,
И взглядом, то молящим, то жестоким,
Те звуки из безмолвья вызывал,
А вызвав, снова прогонял в безмолвье.

Послушно звуки в музыку сливались:
То скрипки вдруг польются,
То тревожно
Господствовать начнет виолончель,
То фортепьяно мощные фонтаны
Ударят вверх и взмоют, и взовьются,
И в недоступной зыбкой вышине
Рассыплются на брызги и на льдинки,
Чтоб с легким звоном тихо замереть.

Покорно звуки в музыку сливались.
Но постепенно стал я различать
Подспудное и смутное брожение
Неясных сил,
Их шепот, пробуждение,
Их нарастанье, ропот, приближение,
Глухие их подземные толчки.
Они уже почти землетрясение.
Они идут, еще одно мгновение —
И час пробьет...
И этот час пробил!
О мощь волны, крути меня и комкай,
Кидай меня то в небо, то на землю,
От горизонта
И
До горизонта
Кипящих звуков катится волна.
Их прекратить теперь уж невозможно,
Их усмирить не в силах даже пушки,
Как невозможно усмирить вулкан.
Они бунтуют, вышли из-под власти
Тщедушного седого человека.
Что в длинном фраке,
С палочкой нелепой
Задумал со стихией совладать.

Я буду хохотать, поднявши руки.
А волосы мои пусть треплет ветер,
А молнии, насквозь пронзая небо,
Пусть в моих беснуются глазах,
Их огненными делая из синих.
От горизонта
И
До горизонта
Пусть змеятся молнии в глазах.
Ха-ха-а! Их усмирить уж невозможно
(Они бунтуют, вышли из-под власти).
Как невозможно бурю в океане
Утишить вдруг движением руки.
Но что я слышу...
Нет...
Но что я вижу:
Одно движение палочки изящной —
И звуки все
Упали на колени,

Потом легли... потом уж поползли...
Они ползут к подножью дирижера,
К его ногам!
Сейчас, наверно, ноги
Ему начнут лизать
И пресмыкаться...
Но дирижер движением спокойным
Их отстранил и держит в отдаленье
Он успокоил,
Он их приласкал.
То скрипки вдруг польются,
То тревожно
Господствовать начнет виолончель.
То фортепьяно мощные фонтаны
Ударят вверх и взмоют, и взовьются,
И в недоступной зыбкой вышине
Рассыплются на брызги и на льдинки,
Чтоб с легким звоном тихо замереть...
.....
Все правильно. Держать у ног стихию
И есть искусство. Bravo, дирижер!

«Журавли»

Журавли, наверно, вы не знаете,
Сколько песен сложено про вас,
Сколько вверх, когда вы пролетаете,
Смотрит затуманившихся глаз!

Из краев болотных и задебранных
Выплывают в небо косяки.
Крики их протяжны и серебряны,
Крылья их медлительно гибки.

Лирика полета их певучего
Нашей книжной лирики сильней.
Пролетают, радуя и мучая,
Просветляя лица у людей.

Годы мне для памяти оставили,
Как стоял я около реки
И, покуда в синем не растаяли,
Журавлей следил из-под руки.

Журавли летели, не синицы,
Чьим порханьем полнится земля...

Сколько лет уж, если спохватиться,
Не видал я в небе журавля!

Словно светлый сон приснился или
Это сказка детская была.
Или просто взяли обступили
Взрослые, серьезные дела.

Окружили книги окончательно,
Праздность мне постыдна и чужда...
Ну а вы, спрошу я у читателя,
Журавлей вы видели когда?

Чтоб не просто в песне, а воочию,
Там, где травы жухнут у реки,
Чтоб, забыв про мелочное прочее,
Все глядеть на них из-под руки.
Журавли!
Заваленный работою,
Вдалеке от пасмурных полей,
Я живу со странною заботою -
Увидать бы в небе журавлей!

«Звездные дожди»

Бездонна глубь небес над нами.
Постой пред нею, подожди...
Над августовскими хлебами
Сверкают звездные дожди.

Не зная правильной орбиты,
Вразброд, поодиночке, зря
Летят из тьмы метеориты
И круто падают, горя.

Куски тяжелого металла,
Откуда их приносит к нам?
Какая сила разметала
Их по космическим углам?

На островок земли туманный,
Где мирно пахутся поля,
Не так ли бездна океана
Выносит щепки корабля?
А вдруг уже была планета
Земле-красавице под стать,

Где и закаты, и рассветы,
И трав душистых благодать?

И те же войны и солдаты.
И те же коршуны во мгле,
И, наконец, разбужен атом,
Как он разбужен на земле?

Им надо б все обдумать трезво,
А не играть со смертью зря.
Летят из тьмы куски железа
И круто падают, горя.

То нам примером быть могло бы,
Чтобы, подхваченный волной,
Как голубой стеклянный глобус,
Не раскололся шар земной.

Погаснет солнце на рассвете,
И нет просвета впереди...
А на какой-нибудь планете
Начнутся звездные дожди.

«Как растают морозные...»

Как растают морозные
Голубые снега,
Воды вешние, грозные
Принимает река.

Воды талые, мутные
Из окрестных лугов,
И становится трудно им
В тесноте берегов.

Выливаются в поймы,
Размывают стога...
А моя река поймана,
Высоки берега.

Половодью быть где же тут,
Как же паводку быть?
Только льдины со скрежетом
Вдруг встают на дыбы.

И, сшибаясь, ломаются,
И звереет волна, -

Не звереть и не маяться
В эти дни не вольна!

«Колодец»

Колодец вырыт был давно.
Все камнем выложено дно,
А по бокам, пахуч и груб,
Сработан плотниками сруб.
Он сажён на семь в глубину
И уже видится ко дну.
А там, у дна, вода видна,
Как смоль, густа, как смоль, черна.
Но опускаю я бадью,
И слышен всплеск едва-едва,
И ключевую воду пьют
Со мной и солнце и трава.
Вода нисколько не густа,
Она, как стеклышко, чиста,
Она нисколько не черна
Ни здесь, в бадье, ни там, у дна.

Я думал, как мне быть с душой
С моей, не так уж и большой:
Закреть ли душу на замок,
Чтоб я потом разумно мог
За каплей каплю влагу брать
Из темных кладезных глубин
И скупо влагу отдавать
Чуть-чуть стихам, чуть-чуть любви!
И чтоб меня такой секрет
Сберег на сотню долгих лет.
Колодец вырыт был давно,
Все камнем выложено дно,
Но сруб осыпался и сгнил
И дно подернул вязкий ил.
Крапива выросла вокруг,
И самый вход заткал паук.
Сломав жилище паука,
Трухлявый сруб задев слегка,
Я опустил бадью туда,
Где тускло брезжила вода.
И зачерпнул - и был не рад:
Какой-то тлен, какой-то смрад.
У старожила я спросил:
- Зачем такой колодец сгнил?
- А как не сгнить ему, сынок,

Хоть он и к месту, и глубок,
Да из него который год
Уже не черпает народ.
Он доброй влагою налит,
Но жив, пока народ поит.-
И понял я, что верен он,
Великий жизненный закон:
Кто доброй влагою налит,
Тот жив, пока народ поит.
И если светел твой родник,
Пусть он не так уж и велик,
Ты у истоков родника
Не вешай от людей замка.
Душевной влаги не таи,
Но глубже черпай и пои!
И, сберегая жизни дни,
Ты от себя не прогони
Ни вдохновенья, ни любви,
Но глубже черпай и живи!

«Корабли»

Проходила весна по завьюженным селам,
По земле ручейки вперегонки текли,
Мы пускали по ним, голубым и веселым,
Из отборной сосновой коры корабли.

Ветерок паруса кумачовые трогал,
Были мачты что надо: прочны и прямы,
Мы же были детьми, и большую дорогу
Кораблю расчищали лопаточкой мы.

От двора, от угла, от певучей капли,
Из ручья в ручеек, в полноводный овраг,
Как сквозь арку, под корень развесистой ели
Проплывал, накрываясь, красавец «Варяг».

Было все: и заветрины и водопады,
Превышавшие мачту своей высотой.
Но корабль не пугали такие преграды,
И его уносило весенней водой.

А вода-то весной не течет, а смеется,
Ей предел не положен, и куре ей не дан.
Каждый малый ручей до реки доберется,
Где тяжелые льдины плывут в океан.

И мне снилось тогда - что ж поделаешь: дети!
Мой корабль по волнам в океане летит.
Я тогда научился тому, что на свете
Предстоят человеку большие пути.

«Мерцают созвездья...»

Мерцают созвездья в космической мгле,
Заманчиво светят и ясно,
Но люди привыкли жить на земле,
И эта привычка прекрасна.

Космос как море, но берег — Земля,
Равнины ее и откосы.
Что значит земля для людей с корабля,
Вам охотно расскажут матросы.

О море мечтают в тавернах они,
Как узники, ищут свободы.
Но все же на море проходят лишь дни,
А берегу отданы годы.

Я тоже хотел бы на борт корабля,
Созвездия дальние манят.
Но пусть меня ждет дорогая земля,
Она никогда не обманет.

«На пашни, солнцем залитые...»

На пашни, солнцем залитые,
На луговой цветочный мед
Слетают песни золотые,
Как будто небо их поет.

Куда-куда те песни за день
Не уведут тропой земной!
Еще одна не смолкла сзади,
А уж другая надо мной.

Иди на край земли и лета -
Над головой всегда зенит,
Всегда в зените песня эта,
Над всей землей она звенит!

«Наполеоновские пушки в Кремле»

После первых крещений в Тулоне
Через реки, болота и рвы
Их тянули поджарые кони

По Европе до нашей Москвы.
Их сорвали с лафетов в двенадцатом
И в кремлевской святой тишине
По калибрам, по странам и нациям
К опаленной сложили стене.
Знать, сюда непременно сводило
Все начала и все концы.
Сквозь дремоту холодные рыла
Тупо смотрят на наши дворцы.
Итальянские, польские, прусские
И двенадцать прочих держав.
Рядом с шведскими пушки французские
Поравнялись судьбой и лежат.
Сверху звезды на башнях старинных,
Башням памятна славная быль.
И лежит на тяжелых стволинах
Безразличная русская пыль.

«Последний блик закатного огня»

Последний блик закатного огня
Нахлынувшая туча погасила.
«Вы любите природу?» – у меня
Восторженная спутница спросила.
Я промолчал растерянно в ответ
На тот вопрос бессмысленный и странный.
Волну спросила б: нравится иль нет
Крутой волне
Волненье океана?

* * *

Разгулялся ветер на просторе,
Белопенный катится прибой.
Вот и я живу у синя моря,
Тонущего в дымке голубой.

Ни испить его, ни поглядеться,
Словно в тихий омут на лугу.
Ничего не вспомнится из детства
На его бестравном берегу.

Оттого и скучно здесь слегка мне
Над седым величием волны.
До меня, сидящего на камне,
Долетают брызги, солонь.

Ни краев, ни совести у моря!
Густо засинев доглубока,
Вот оно берется переспорить
Маленького в поле василька.

Вот оно, беснуясь и ревнуя,
Все ритмичней хлещет и сильней.
Хочет смыть тропинку полевою
Из железной памяти моей.

«Родник»

Я тех мест святыми не считаю,
Я от тех лесов почти отвык.
Там по мне, наверно, не скучает
Очень звонкий маленький родник.

Он пропах землей, травой и хвоей,
В жаркий полдень холоден всегда.
А опустишь руку в голубое,
Заласкает светлая вода.

У его задумчивого пенья
Я большой учился чистоте,
Первым, самым робким вдохновеньям,
Первой, самой маленькой мечте.

Я тех мест святыми не считаю,
Только я не так еще отвык,
Только пусть пока не высыхает
Очень звонкий маленький родник.

Пусть вдали от низенького дома
Я, мужая, сделаюсь седым.
Я еще приду к нему, живому,
И еще напьюсь его воды!

«Сосна»

Я к ночи из лесу не вышел,
Проколобродив целый день.
Уж, как вода, все выше, выше
Деревья затопляла тень.

Янтарь стволов и зелень хвои -
Все черным сделалось теперь.

В лесу притихло все живое.
И стал я чуток, словно зверь.

А наверху, над мглою этой,
Перерастя весь лес, одна,
В луче заката, в бликах света
Горела яркая сосна.

И было ей доступно, древней,
Все, что не видел я с земли:
И сам закат, и дым деревни,
И сталь озерная вдали.

Автор: Юнна Мориц

«Благолепие света»

Прости, долина, дом и сад,
Река, во льду глухонемая,
Что в холодеющих лесах
Я покидаю вас до мая.
Цветок чугунный в городской
Ограде льнет к пальто под локтем,
Дыша проезжею тоской:
Резиной, мглой, бензином, дегтем,
Окурком, снегом, колесом,
Копытом, прочерком, трамваем,-
Во всем, воистину во всем,
Свободный гений узнаваем.
Одежды стали тяжелеть,
Крупней раскрой, грубее ткани,
И нежно розовеет медь,
Перчатку чувствуя в кармане.
Ознобом скулы обвело,
И губы обметало сушью,
Но на душе светлым-светло,
И клен сквозит японской тушью.
Приемлет гавань корабли —
Купает их, потом питает
И нежностью своей любви
Мотор, как сердце, воспитает.
На елке свечи воспалит
Грань декабря с январской гранью.
И все, что мучит и болит,
Судьбой подвергнется изгнанию.
И золотистый мандарин

Напомнит в переносных смыслах
Все то, что Ярославль дарил
Мне в сентябре, в двадцатых числах —
Такая вольность на душе,
Такое благолепье света,
Что только лист в карандаше
Способен объяснить все это.

«Зейдер-Зее»

Я подвержена идее
Побывать на Зейдер-Зее,
На заливе, столь воспетом
Мореплавцем и поэтом
В древней саге и позднее,
В тех столетиях и в этом.
Да! Мечты моей предметом
Стал далекий Зейдер-Зее.

Только я смежаю веки —
Возникает образ некий,
Нежный, как цветок лаванды,
И старинный, как в музее.
Это волны Зейдер-Зее
Омывают Нидерланды,
Реи, якорные змеи,
Лодки, ботики, шаланды.
Кража в Лувре — Зейдер-Зее!

И никто, помимо детства,
До сих пор не знает средства,
Как придумывать заливам
Имена такого склада.
Надо быть каким счастливым
И чудесным ротозеем,
Чтобы крикнуть:— Зейдер-Зее!
И услышать:— Что вам надо?
Говорите поскорее! —
Детский лепет, Зейдер-Зее!

Вижу мельницу и флигель,
Где фламандец Уленшпигель
Или кто-нибудь попозже
Останавливался тоже
И бросался в Зейдер-Зее,
Поблуднев от наслажденья,

В дни, когда, на солнце зрея,
Тело жаждет охлажденья,
А русалка или фея
Из волны зовет прохожих,
Бормоча одно и то же:
– Если в рай, так в Зейдер-Зее!

Боже мой, какие танцы
Исполняют оборванцы
В январе на Зейдер-Зее,
Спрятав шеи в бумазее!
На коньках летят, как духи,
Дети, белые старухи,
Длинноногие голландцы.

Что за странные таланты –
На ножах пускаться в бегство
Вдоль серебряной аллеи!
Неужели Нидерланды
Поголовно тянет в детство,
А разбег на Зейдер-Зее?

Мне мешают мысли эти
Просыпаться на рассвете,
А чудесные виденья
Ухудшают поведение.
Вот сижу, в окно глаза:
Вижу семь тюльпанных грядок,
Мачту, холстик в галерее.
– Где ты? – спрашивают рядом.
Голос тут, но что со взглядом?
– В самом деле, где же, где я?
Врать с утра неинтересно,
Лучше я признаюсь честно,
Что была на Зейдер-Зее.
Да, была на Зейдер-Зее!

«Зимнее»

Зима! С морозом, с белым снегом,
Уже во множестве – снега!
Так борщ приходит с белым хлебом
В страну, разбившую врага.

У леденеющих березок
Вдали душа звонком звенит.

И мира собственный набросок
В рисунке детском знаменит.

А в нем – ни скуки, ни унынья,
Прогулки утренний кусок,
В нем по заснеженной равнине
Летит с мороженым возок,

Дымится остренькая крыша,
Мелькает остренький забор,
И кто-то, ведрами колыша,
Идет на остренький бугор.

Ему носатая колонка,
Должно быть, светит на бугре,
И по велению ребенка
Ему – дорога в серебре.

На грани выдоха и вздоха
На грани выдоха и вдоха есть волна,
где жизнь от видимости освобождена,
упразднены тела и внешние черты,
и наши сути там свободно разлиты.

Там нет сосудов для скопления пустот,
и знак присутствия иной, чем здесь, и счет
не лицевой, не именной, и только ритм
там раскаляется и звездами горит.

На грани выдоха и вдоха есть волна,
где жизнь, как музыка, слышна, но не видна.
И там поэзия берет свои стихи.
И там посмертно искупаются грехи.

«Побег»

Давай, душа, давай –
Проникнем за ограду,
Там розовый трамвай
Бежит по снегопаду,

В кофейне за углом
Поджаривают зерна,
И лестницы излом
Пропах напитком черным.

Верни, верни, верни,
Звезда, мое светило,
Те считанные дни,
Которых не хватило!

Под шорох мандолин,
Играющих на елке,
Очистим мандарин
И снимем книгу с полки,

В таинственную речь
Вникая до рассвета,
Отбросим кофту с плеч
На озеро паркета

И, отлучив лицо
От чтения на мгновенье,
Найдем в конце концов
Покой и просветленье.

«Приход вдохновения»

Когда отхлынет кровь и выпрямится рот
И с птицей укреплю пронзительное сходство,
Тогда моя душа, мой маленький народ,
Забывший ради песен скотоводство,
Торговлю, земледелие, литье
И бортничество, пахнущее воском,
Пойдет к себе, возьмется за свое –
Щегленком петить по зимним перекресткам!
И пой как хочешь. Выбирай мотив.
Судьба – она останется судьбою.
Поэты, очи долу опустив,
Свободно видят вдаль перед собою –
Всем существом, как делает слепой.
Не озирайся! Не ищи огласки!
Минуйте нас и барский гнев и ласки,
Судьба – она останется судьбой.
Ни у кого не спрашивай: – Когда?–
Никто не знает, как длинна дорога
От первого двустишья до второго,
Тем более – до Страшного Суда.
Ни у кого не спрашивай: – Куда?–
Куда лететь, чтоб вовремя и к месту?
Природа крылья вычеркнет в отместку
За признаки отсутствия стыда.

Все хорошо. Так будь самим собой!
Все хорошо. И нас не убывает.
Судьба – она останется судьбой.
Все хорошо. И лучше не бывает.

«Сентябрь»

Этот сад одинокий, он слышал о нас,
Потому что он тянется к нам,
И не он ли в дождливые окна сейчас
Окликает нас по именам?

Не хозяйева мы, не владельцы его –
Просто странники осени этой.
Сад не просит от нас, как и мы от него,
Ничего, кроме слова и света.

За кустами малин – глина влажных долин,
Заторможенный клен у пригорка.
Солнце – бледное, как недожаренный блин, –
Где его золотистая корка?

Засыпаю в дожде, просыпаюсь во мгле,
На прохладе тетрадь раскрываю.
Влажный сад шелестит у меня на столе
И диктует все то, что скрываю

От тебя, от самой от себя, от всего,
Полюбившего осень, как лето.
Сад не просит от нас, как и мы от него,
Ничего, кроме слова и света.

Автор: Вадим Забабашкин

«Лета»

Ехал грека через реку –
ту, что именуют Лета.
Шел вдоль берега Эль Греко –
живописец из Толедо.

Чтоб увековечить грека
он раскрыл мольберт поспешно.
Был художником Эль Греко –
выдающимся, конечно.

Грека сунул руку в реку –
опрометчиво однако:

кисть впилась в него Эль Греко
и клешня вцепилась рака!

В Лету нос совать не надо:
глупо следовать причудам!..
И побрёл Эль Греко в Прадо
с незаконченным этюдом.

Автор: Евгений Евтушенко

«Вагон»

Стоял вагон, выдавший виды,
где шлаком выложен откос.
До буферов травой обвитый,
он до колена в насыпь врос.
Он домом стал. В нем люди жили.
Он долго был для них чужим.
Потом привыкли. Печь сложили,
чтоб в нем теплее было им.
Потом – обойные разводы.
Потом – герани на окне.
Потом расставили комоды.
Потом прикрепили к стене
открытки с видами прибоев.
Хотели сделать все, чтоб он
в геранях их и в их обоях
не вспоминал, что он – вагон.
Но память к нам неумолима,
и он не мог заснуть, когда
в огнях, свистках и клочьях дыма
летели
мимо
поезда.
Дыханье их его касалось.
Совсем был рядом их маршрут.
Они гудели, и казалось –
они с собой его берут.
Но сколько он не тратил силы –
колес не мог поднять своих.
Его земля за них схватила,
и лебеда вцепилась в них.
А были дни, когда сквозь чащи,
сквозь ветер, песни и огни
и он летел навстречу счастью,
шатая голосом плетни.

Теперь не ринуться куда-то.
Теперь он с места не сойдет.
И неподвижность – как расплата
за молодой его полет.

Автор: Расул Гамзатов

«Вершина далекая кажется близкою...»

Вершина далекая кажется близкою.
С подножья посмотришь – рукою подать,
Но снегом глубоким, тропой каменистою
Идешь и идешь, а конца не видеть.

И наша работа нехитрою кажется,
А станешь над словом сидеть-ворожить,
Не свяжется строчка, и легче окажется
Взойти на вершину, чем песню сложить.

И люблю малиновый рассвет я...
И люблю малиновый рассвет я,
И люблю молитвенный закат,
И люблю медовый первоцвет я,
И люблю багровый листопад.

И люблю не дома, а на воле,
В чистом поле, на хмельной траве,
Задремать и пролежать, доколе
Не склонится месяц к голове.

Без зурны могу и без чунгура
Наслаждаться музыкою я,
Иначе так часто ни к чему бы
Приходить мне на́ берег ручья.

Я без крова обошелся б даже,
Мне не надо в жизни ничего.
Только б горы, скалы их и кряжи
Были возле сердца моего.
Я еще, наверное, не раз их
Обойду, взбираясь на хребты.
Сколько здесь непотускневших красок,
Сколько первозданной чистоты.

Как форель, родник на горном склоне
В крапинках багряных поутру.

Чтоб умыться – в теплые ладони
Серебро студеное беру.

И люблю я шум на дне расселин,
Туров, запрокинувших рога,
Сквозь скалу пробившуюся зелень
И тысячелетние снега.

И еще боготворю деревья,
Их доверьем детским дорожу.
В лес вхожу как будто к другу в дверь я,
Как по царству, по лесу брожу.

Вижу я цветы долины горской.
Их чуть свет пригубили шмели.
Сердцем поклоняюсь каждой горстке
Дорогой мне сызмальства земли.

На колени у речной излуки,
Будто бы паломник, становлюсь.
И хоть к небу простираю руки,
Я земле возлюбленной молюсь.

«Поверьте, первая ошибка не страшна...»

Поверьте, первая ошибка не страшна,
И первая обида не важна,
И самый первый страх сродни испугу.
И коль в твоей судьбе случилось вдруг,
Что в первый раз тебя обидел друг –
Не осуждай, понять попробуй друга.

Наверное, на свете не найти
Людей, ни разу не сбивавшихся с пути,
Сердец, ни разу не окутанных туманом.
И коль у друга твоего стряслась беда:
Сказал не то, не тем и не тогда –
Его ошибку не считай обманом.

Друзья, что, глупый промах мой кляня,
Когда-то отказались от меня,–
Для вас всегда мой дом открыт. Входите!
Всех, кто со мной смеялся и грустил,
Люблю, как прежде. Я вас всех простил.
Но только и меня, друзья, простите.

Автор: Иван Бунин

«Серп луны под тучкой длинной...»

Серп луны под тучкой длинной
Льет полночный слабый свет.
Над безмолвною долиной –
Темной церкви силуэт.

Серп луны за тучкой тает—
Проплывая, гаснет он.
С колокольни долетает,
Замирая, сонный звон.

Серп луны в просветы тучи
С грустью тихою глядит,
Под ветвями ив плакучих
Тускло воду золотит.

И в реке, среди глубокой
Предрассветной тишины,
Замирает одинокий
Золотой двойник луны.

«Едем бором, черными лесами...»

Едем бором, черными лесами.
Вот гора, песчаный спуск в долину.
Вечереет. На горе пред нами
Лес щетинит новую вершину.

И темным-темно в той новой чаще,
Где опять скрывается дорога,
И враждебен мой ящик молчащий,
И надежда в сердце лишь на Бога,

Да на бег коней нетерпеливый,
Да на этот нежный и певучий
Колокольчик, плачущий счастливо,
Что на свете все авось да случай.

«Индийский океан»

Над чернотой твоих пучин
Горели дивные светила,
И тяжко зыбь твоя ходила,
Взрывая огонь беззвучных мин.

Она глаза слепила нам,
И мы бледнели в быстром свете,
И сине-огненные сети
Текли по медленным волнам.

И снова, шумен и глубок,
Ты восставал и загорался –
И от звезды к звезде шатался
Великой тростью зыбкий фок.

За валом встречный вал бежал
С дыханьем пламенным муссона,
И хвост алмазный Скорпиона
Над чернотой твоей дрожал.

«Бледнеет ночь... Туманов пелена...»

Бледнеет ночь... Туманов пелена
В лощинах и лугах становится белее,
Звучнее лес, безжизненной луна
И серебро росы на стеклах холоднее.

Еще усадьба спит... В саду еще темно,
Недвижим тополь матово-зеленый,
И воздух слышен мне в открытое окно,
Весенним ароматом напоенный...

Уж близок день, прошел короткий сон –
И, в доме тишине не нарушая,
Неслышно выхожу из двери на балкон
И тихо светлого восхода ожидаю...

«Розы»

Блистая, облака лепились
В лазури пламенного дня.
Две розы под окном раскрылись –
Две чаши, полные огня.
В окно, в прохладный сумрак дома,
Глядел зеленый знойный сад,
И сена душная истома
Струила сладкий аромат.
Порою, звучный и тяжелый,
Высоко в небе грохотал
Громовый гул... Но пели пчелы,

Звенели мухи – день сиял.
Порою шумно пробегали
Потоки ливней голубых...
Но солнце и лазурь мигали
В зеркально-зыбком блеске их –
И день сиял, и млели розы,
Головки томные клоня,
И улыбались сквозь слезы
Очами, полными огня.

«На пруде»

Ясным утром на тихом пруде
Резво ласточки реют кругом,
Опускаются к самой воде,
Чуть касаются влаги крылом.

На лету они звонко поют,
А вокруг зеленеют луга,
И стоит, словно зеркало, пруд,
Отражая свои берега.

И, как в зеркале, меж тростников,
С берегов опрокинулся лес,
И уходит узор облаков
В глубину отраженных небес.

Облака там нежней и белей,
Глубина – бесконечна, светла...
И доносится мерно с полей
Над водой тихий звон из села.

«На острове»

Люблю я наш обрыв, где дикою грядою
Белеют стены скал, смотря на дальний юг.
Где моря синего раскинут полукруг,
Где кажется, что мир кончается водою,
И дышится легко среди безбрежных вод.

В веселый летний день, когда на солнце блещет
Скалистый известняк и в каждый звонкий грот
Зеленая вода хрустальной влагой плещет,
Люблю я зной и ширь, и вольный небосвод,
И острова пустынные высоты.

Ласкают их ветры, и волны лижут их,
А чайки зоркие заглядывают в гроты, –
Косятся в чуткий мрак пещер береговых
И вдруг, над белыми утесами взмывая,
Сверкают крыльями в просторах голубых,
Кого-то жалобно и звонко призывая.

Автор: Владимир Луговской

«Гуси»

Над необъятной Русью
С озерами на дне
Заготовали гуси
В зеленой вышине.

Заря огнем холодным
Позолотила их.
Летят они свободно,
Как старый русский стих.

До сосен Заонежья
Река небес тиха.
Так трепетно и нежно
Внизу цветет ольха.

Вожак разносит крылья,
Спешит на брачный пир.
То сказкою, то былью
Становится весь мир.

Под крыльями тугими
Земля ясным-ясна.
Миллионы лет за ними
Стремилась к нам весна.

Иных из них рассеют
Разлука, смерть, беда,
Но путь весны – на север!
На север, как всегда.

Автор: Ольга Берггольц

«Бабье лето»

Есть время природы особого света,
неяркого солнца, нежнейшего зноя.
Оно называется
бабье лето
и в прелести спорит с самою весною.

Уже на лицо осторожно садится
летучая, легкая паутина...
Как звонко поют запоздалые птицы!
Как пышно и грозно пылают куртины!

Давно отгремели могучие ливни,
всё отдано тихой и темною нивой...
Всё чаще от взгляда бываю счастливой,
всё реже и горше бываю ревнивой.

О мудрость щедрейшего бабьего лета,
с отрадой тебя принимаю... И всё же,
любовь моя, где ты, аукнемся, где ты?
А рощи безмолвны, а звезды всё строже...

Вот видишь – проходит пора звездопада,
и, кажется, время навек разлучаться...
...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться.

Автор: Эдуард Асадов

«В печи пылают весело дрова...»

В печи пылают весело дрова,
К полуночи окончена работа.
Из тишины ночной едва-едва
Доносится гуденье самолета.

Еще листок в календаре моем
Лег на душу, как новая нагрузка.
Кто объяснит мне – почему подъем
Бывает легче медленного спуска?

К чему пустые домыслы?
Светла
Луна в своей нарядной звездной раме.
Не надо думать – молодость ушла...
Подумай, что весна не за горами.

Автор: Мария Теплякова

«Что там видно с колокольни?»

Что там видно с колокольни?
Видно лодки на реке
По Кремлевке ходят кони
И туристы налегке

Видно облако такое,
Виден лес в его тени.
Ты достала бы рукою,
Только руку протяни

Что там видно с колокольни?
Дождь. А выше - Бог с тобой.
Виден город на ладони,
Соколиный, голубой

Что там видно с колокольни?
Только небо без краев,
Тихий свет и ветер вольный,
и любовь.

«Благословенно царство красоты.»

Благословенно царство красоты.
Земля растит деревья и цветы
И воздух разливается над ними.
Вода связует жизни хоровод,
Огонь внутри таинственно поет.
А человек стоит посередине.

Что человек... Он хрупок и горяч,
Вдыхает небо, выдыхает плач,
Возьмет любовь, назад вернёт сомненье...
О, человече, как тебя любить,
Чтоб мог ты чутким и свободным быть,
Не становился камнем преткновения?

Ты в этом теле будешь не всегда.
Ветшают горы, устает вода,
И голоса все тише, всё природней...
Но если научился доверять,
То разве страшно что-то потерять,
Когда ты сделан из любви Господней?

Когда ты дверь, прозрачное стекло,
Когда через тебя другим светло, -
Тогда ты есть и главному причастен.
Откуда в теле хрупком столько сил...

Последний день, как первый, так же синь,
И так высок, и, Господи, так ясен

«Твоего ничего.»

Все Господнее, все голубое,
Все зеленое, нежное, странное...
Тронешь рукой —
И сияние тут же угаснет...
Касайся без боли,
Только сердцем и только свободно,
Негромко, легко.
Твоего ничего.
Кроме тонкого мудрого взгляда,
Кроме тихой улыбки
И знания сути вещей.
Твоего ничего.
Ничего потому что не надо.
Только воздух молитвы
Да радости чистый ручей.
Твоего ничего.
Все когда-то вернется к истоку,
Отшумит, отболит, отволнуется,
Канет без сил...
Твоего ничего.
Кроме пройденной долгой дороги,
Кроме светлой любви,
Что на этом пути подарил.

Автор: Вячеслав Улитин

"Листьев багряный смог"

Листьев багряный смог -
Осень - красна от ран.
Каждый листок - Ван Гог,
Каждый листок - Рембрандт.
Вслушайся в звонкий лист -
Тонкий звук его пей.
Каждый листок - артист,
Каждый листок - Орфей.
Каждый листок - святой,
Мученик и пророк

Вместе с простой листвой
Нас обнимает Бог.

"Свете тихий"
(Памяти Георгия Свиридова)

Свете тихий святыя славы,
Свете тихий дивного слова,
Свете тихий музыки плавной,
Свете тихий Божьего зова.

Свете тихий слезы безмолвной,
Свете тихий радости русской,
Свете тихий лесов сосновых,
Свете тихий полей и пустынь.

Откровенье души поэта,
Откровенье испитой чаши,
Свете тихий райского света,
Свете тихий Родины нашей

Свете тихий зимнего неба,
Рождества золотое диво,
Теплота золотого хлеба,
Миг серебряно-молчаливый.

Свете тихий детского взгляда,
Откровенье вечного чуда,
И бессмертья почти не надо,
Потому что оно повсюду.

"В Успенском соборе"

Есть во всём божественная связь -
Дышит в раке благоверный князь,
Дышит храма синий-синий свод,
Дышит жен рублевских хоровод.
Дышит память Рая на стенах,
Дышит зайчик солнечный впотьмах.
Дышит сам алтарь и сонм святых,
Дышит ладан на губах твоих,
Дышат свечи, царские врата,
Дышит солнце на концах Креста.
Ты не бойся Третьей мировой, -
Дышит меч под княжеской рукой...

"Воскресенье"

(Посвящается Е.С. Коншиной)

Слышишь голос небес, тихий голос небес.
Белой утренней ранью, там, за тонкою гранью,
То ли свет говорит, то ли шепчется лес,
Окликанье идёт, окликанье.
Древний космос спасён.
Тихий светится крест,
Лик любви приоткрыт.
Всё теплей, всё живей ожиданье.
Свет поёт, Свет коснулся волос, Свет сияет отверст.
Окликанье идёт, окликанье.
Это сферы небес, это голос всех детств
Золотое творят Воскресенье,
Золотое своё пированье.
Колокольное утро звонит,
Колокольный сияющий лес,
Ликованье идёт, ликованье.

"Весна небесная"

Весенний лес как бабочка трепещет.
Вот-вот вспорхнёт и улетит,
Сольётся с небом - изумруд с лазурью.
Весь ошалевший как библейский Лазарь,
Я вспомнил слово "Жить и Воскресать".
Нельзя дышать, но можно ландышать,
Осоловеть от песни соловьиной.
В такой весне небесной просто заблудиться,
Взглянуть на свет земной, преобразиться,
Стать лёгким, словно Дух Святой.
Земля уже летит... О, лес!
Легчайших альвеол усилие.
И вместе с ним мы над Землей парим.
Весенний лес - вселенская душа!
Христос воскрес! - Воистину воскрес!
Мне отвечает лес, и ладан, ландыша, мне отвечает.

"Рождественский концерт"

(из цикла "Праздники")

Жизнь - это чудо,
Смерть - это чудо.
Плачет на небе веселый шарманщик,
Музыка Моцарта пляшет повсюду
Словно вселенский солнечный зайчик.

Кто её к Свету навек приторочил?
Кто её к сердцу насквозь прикрепил?
Снежные комья как звёздные клочья -
Кто это в нас из небес запустил?

Зимняя музыка - музыка Света.
Слышишь синицы серебряный звон?
Музыка вечности плачем одета,
Радости сфер осиян небосклон.

Жизнь - волшебство. Чудотворство святое.
Как эти дни светозарно легки!
Моцарт. Любовь. Рождество золотое,
Дети на небе играют в снежки.

"Пони по имени Миранделло"
(внуку моему Егорушке)

В парке, рядом, по соседству,
Где фонтан прохладный бьёт,
Весь из сказки, весь из детства
Пони маленький живёт.
Пони грустный, пони серый -
Грива, скрученная в жгут,
Глаз горит голодной верой.
И красиво так зовут:
Миранделло, Миранделло,
Пони важный и смешной,
Имя носит очень смело,
Грациозно бьёт ногой.
Имя светит, имя лечит,
Имя - это Божий Дом,
С именем гораздо легче
Жить на свете золотом.
Положу я на излучку
Очень трепетную кладь -
Пять лучей ладошки внука:
"Ну, погладь его, погладь..."
И вперед, давай скорее
К окоёму*, к небесам,
Там вдали звезда сгорела -
Ты увидишь это сам.
Пони лёгкий, ангел серый
Не бежит - уже летит.
Глаз горит небесной сферой
И крылами шелестит.
Впереди леса и травы,
Пони каждый миг смелей.
Он теперь мирами правит,

Возит маленьких детей.
Остановится и дышит
Справедливо, тяжело.
Словно в мире стало тише,
Словно зло побеждено.
Я кормлю конягу хлебом,
Жадно ест и жадно пьёт -
Вся земля под этим небом
К милосердию зовёт.
Миранделло, Миранделло,
Пони чудный и чудной,
Имя носит очень смело,
Грациозно бьёт ногой.

(*«Окоём» — устаревшее поэтическое слово, означающее пространство, которое можно окинуть взглядом; горизонт).